

Анна Ксандопуло

«Новый курс» 1943–1953 гг. в отношениях между государством и церковью на примере Тульской епархии¹

В статье рассмотрены основные вехи жизни Тульской епархии Русской православной церкви в контексте новых отношений с государством (так называемого «нового курса») в период с 1943 по 1953 год. В ней сделана попытка анализа и осмысления регионального аспекта «нового курса» в сравнении с событиями, происходившими в высших эшелонах власти. Для этого были использованы документы региональных архивов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Данные материалы помогают лучше понять механизмы процессов, посредством которых советский госаппарат пытался манипулировать РПЦ, а также то, как церковь, преодолевая компромиссы, выходила из состояния кризиса после беспрецедентных гонений 1920–1930-х годов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: церковно-государственные отношения, «новый курс», уполномоченный Совета по делам РПЦ, антирелигиозная кампания, Тульская епархия, открытие храмов, возрождение церковной структуры.

В короткий по историческим меркам период с 1943 по 1953 год в нашей стране происходили события, кардинально изменившие положение православной церкви в СССР. Хотя с тех пор прошло уже более полувека, это десятилетие в новейшей истории церкви не до конца изучено и продолжает скрывать в себе различные загадки и неясности. С недавнего времени его все чаще называют периодом «нового курса» в церковно-государственных отношениях. Начало ему положила судьбоносная встреча И. Сталина с иерархами РПЦ в сентябре 1943 г., а его окончание приходится примерно на год смерти «вождя народов».

С учетом того, что в целом материалов о проведении «нового курса» в жизнь крайне мало, неоценимую помощь здесь могут оказать исследования, базирующиеся на региональных источниках.

1. Источники цитируются с сохранением орфографии и пунктуации оригинала. — *Прим. ред.*

В данной статье рассматриваются особенности отношений местных властей и церкви в рамках реализации политики «нового курса» в Тульской области и одноименной епархии РПЦ.

В качестве основных источников были использованы материалы Государственного архива Тульской области (ГАТО), Центра новейшей истории Тульской области, а также Архива УФСБ РФ по Тульской области. Базовым стал материал Фонда уполномоченного Совета по делам РПЦ при СНК по Тульской области (ФР-3354). В нем содержатся уникальные документы, протоколы, постановления и директивы Совета по делам РПЦ, инструктивные и циркулярные письма местным уполномоченным, информационные отчеты и доклады уполномоченных для руководства Совета. Также были использованы материалы Ф-177 ЦНИТО — партийного архива, где содержатся документы Тульского областного комитета КПСС, протоколы партсобраний, отчеты и информационные доклады уполномоченных Совета по делам РПЦ и т. д.

Первые годы войны. Патриотическая позиция Тульской епархии

После нападения фашистской Германии на СССР Русская православная церковь развернула всестороннюю патриотическую деятельность, направленную на укрепление духовных сил народа и сбор пожертвований на нужды армии. Начало ей положило «Послание пастырям и пасомым Христовой православной Церкви» митр. Сергия (Страгородского), распространенное в первый же день войны. Однако отсутствие статуса юридического лица ставило РПЦ в трудное положение.

20 октября 1941 г. 2-я танковая армия Гудериана вплотную приблизилась к Туле, на окраинах которой шли ожесточенные бои. После безуспешной попытки захватить город сходу гитлеровцы решили окружить его. Ключевое сражение развернулось в конце ноября, когда кольцо вокруг города почти сомкнулось. В декабре в результате контрнаступления Красной армии под Москвой немецкие войска были отброшены от Тулы². Таким образом, область не попала в зону оккупации.

2. В архивах нет сведений, сколько представителей тульского духовенства участвовало в боевых действиях. Имеются лишь данные о тех, кто прошел всю войну, был награжден правительственными наградами, а после демобилизации служил в

Тульской епархии. Например, второй священник церкви с. Ровки Лазаревского района Семен Петрович Щеглоков был награжден медалью «За взятие Кенигсберга», второй священник пос. Епифань Леонид Алексеевич Ильинский — медалью «За отвагу»,

Как и по всей стране, приходы Тульской епархии не имели права на сбор пожертвований в пользу фронта. Даже уже собранные деньги церковь не могла перевести в Госбанк, так как не имела собственного счета. В результате ни РПЦ, ни государство не могли точно учесть размер пожертвованных средств. В материалах Тульского архива сведения о собранных верующими суммах сильно варьируются. По некоторым данным, за первые два года войны шесть приходов Тульской епархии собрали в фонд обороны страны около 20 млн. руб. наличными деньгами и облигациями [Кузьмина, 2]. Власти до времени закрывали глаза на такое положение дел.

В целом о жизни Тульской епархии в 1941–1943 гг. крайне мало сведений. Причиной тому послужил предшествующий разгром церковной структуры, утеря многих документов во время войны, в том числе сознательное их уничтожение (руководство Тулы не могло не готовиться к возможной сдаче города).

Ситуация принципиально изменилась, после того как митрополит Сергей, пользуясь заинтересованностью властей в получении материальной помощи от церкви, 5 января 1943 г. послал Сталину телеграмму с просьбой разрешить открытие Патриархией собственного банковского счета. Такое разрешение было получено. В сентябре 1943 г. в Туле был организован епархиальный комитет по сборам подарков раненым воинам и пожертвований на защиту Родины. Во всех храмах на каждой службе был введен тарелочный сбор «в Фонд обороны». В числе первых жертвователей были священники. Так, настоятель церкви Архангела Михаила в с. Татарское Заокского района прот. А. Е. Федоров за 1941–1945 гг. передал в фонд армии 70 тыс. рублей церковных денег и все личные сбережения³. Тульская епархия участвовала в сборе средств на строительство знаменитой танковой колонны «Дмитрий Донской» в составе 40 танков. Во время празднования Пасхи 5 мая 1945 г. пять из восьми приходов Тульской епархии пожертвовали наличными, облигациями и вещами 250 243 руб., а всего за 1945 год в девяти действующих приходах было собрано 990 700 рублей⁴.

Государство негласно принимало помощь церкви. Руководство СССР прекрасно понимало, что жителей страны с тысячелетней историей христианства не могла сплотить лишь официальная

дьякон тульской церкви Двенадцати апостолов Константин Владимирович Глаголевский — орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За победу над Германией» (См.: ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 6. Л. 32).

3. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

4. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 6. Л. 32.

идеология. Люди сражались и отдавали свои жизни за отечество, а не за марксистско-ленинское учение. Вдобавок нельзя было не учитывать заметное возрождение религиозной жизни на оккупированных территориях. Так что власть была вынуждена в отношениях с церковью пойти на уступки. С началом войны в Тульской области, как и в целом по стране, открытые гонения на РПЦ фактически прекратились, хотя отдельные их рецидивы еще встречались. В целом по первым годам войны можно сделать вывод, что власти очень осторожно шли навстречу церкви. Принимая от РПЦ помощь, советское правительство «не замечало» ее патриотической позиции. Послабления от государства, если не считать разрешения на открытие Патриархией счета, сводились пока лишь к прекращению антирелигиозной пропаганды.

Начало «нового курса»

Сталин понимал, что Московская патриархия могла приносить советской власти гораздо больше пользы, однако этому мешали многочисленные ограничения, наложенные на церковь. Поэтому с весны 1942 г. власти начинают расширять рамки дозволенного по отношению к РПЦ.

Первым шагом (в апреле 1942 г.) стало разрешение на пасхальные крестные ходы вокруг храмов, также был снят ряд ограничений на проведение массовых религиозных церемоний. В январе 1943 г. в стране начинается религиозный подъем в связи с уступками государства церкви и победами на фронте. Дальнейшие события оказали важнейшее влияние на всю последующую историю Русской церкви. Судьбоносная встреча Сталина и трех митрополитов 4 сентября 1943 г. не просто улучшила ситуацию между Кремлем и РПЦ — она сменила официальный статус церкви в государстве с нелегального на полулегальный. С этого момента открывается новая страница церковно-государственных отношений. Все последующее десятилетие правительство Сталина в обмен на многочисленные привилегии использовало РПЦ в своих интересах, прежде всего внешнеполитических.

При рассмотрении этого периода следует учитывать, что он делится на два довольно четких этапа. С 1943 по 1948 год сохранялись тенденции, заданные сентябрьской встречей в Кремле. Правительство с подачи Сталина делало целый ряд уступок РПЦ, которая в свою очередь использовала их для укрепления собственных позиций. С конца 1948 по 1953 год государство выбрало иную тактику:

вытеснение церкви на обочину общественной жизни. Рассмотрим ситуацию в Тульской области, имея в виду оба этих этапа.

«Новый курс» с 1943 по 1948 год

По итогам встречи 4 сентября был образован Совет по делам РПЦ при СНК под председательством Г.Г. Карпова. 7 декабря 1943 г. решением Тульского облисполкома уполномоченным Совета по Тульской области был назначен А.Ф. Гришин. Свою работу на этом посту он начал с изучения директив партии и правительства по вопросам религиозных культов и законодательства, ознакомления с архивными данными тулоблисполкома и областного архива НКВД о состоянии Тульской епархии до октября 1917 года.

На 1 января 1944 г. в Тульской области было 5 действующих храмов, которые никогда не закрывались: в Туле — Двенадцати апостолов, в Венёве — Иоанно-Предтеченский, в пос. Крапивна Крапивненского района — Никольский, в пос. Истинно Тарусского района — Успенский, в с. Татарское Заокского района — архистратига Михаила. В Туле также оставался открытым храм Всех святых, но до лета 1945 г. он принадлежал обновленцам (пока обновленческий митр. Виталий (Введенский) через покаяние не вернулся в РПЦ МП). Для сравнения: до 1917 г. в Тульской епархии насчитывалось 997 церквей и 11 монастырей, в Туле из 71 храма — 66 православных (174 алтаря и 16 часовен). На церковные средства содержалось 9 больниц на 119 коек, 38 богаделен на 300 человек, 26 церковно-приходских школ. При этом население Тулы составляло в 1917 г. 114 600 человек, а в 1939 г. — 272 400 человек [Кузьмина, 3].

К началу «нового курса» в епархиальном клире оставалось 8 священников и 2 дьякона. Из сохранившихся 447 церквей 313 использовались в культурно-хозяйственных целях: в них располагались склады, клубы, зернохранилища, электростанции, мастерские МТС, школы, хлебозаводы, мельницы, воинские части. Безусловно, такое ничтожное количество действующих приходов не могло удовлетворить нужд верующих людей. Еще в марте 1942 г. группа жителей с. Хавки Венёвского района обращалась в местные органы власти с прошением об открытии в селе храма⁵, но тогда их ходатайство было отклонено. По разным причинам были отклонены или сняты с рассмотрения еще четыре

5. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

ходатайства (об открытии одного храма в Туле и трех в районах области), поступившие от верующих в 1943 году.

С первых дней своего назначения Гришин активно приступил к учету функционирующих приходов и закрытых храмов, к регистрации священнослужителей, к рассмотрению жалоб и заявлений верующих и духовенства. Ситуация с действующими храмами в Тульской области была едва ли не самой удручающей. Из докладной записки Г.Г. Карпова Председателю СНК В.М. Молотову от 5 октября 1944 г. видно, что из девяти центральных областей РСФСР наименьшее количество церквей (шесть) было в Тульской епархии, затем в Горьковской, где действующих храмов было почти в 4 раза больше [*Власть и церковь*, 2]. В течение 1944 г. Гришину поступило 147 ходатайств об открытии храмов, но абсолютное большинство заявлений не было удовлетворено, и ему пришлось рассматривать 137 повторных ходатайств. В той же записке Карпов указывал на неправильный подход при рассмотрении заявлений верующих в Тульской епархии, подчеркивая, что там «почти все ходатайства отклоняются». Попытаемся понять, что же препятствовало возрождению церковной структуры в Тульской области.

ЧТО МЕШАЛО ВОЗРОЖДЕНИЮ ЦЕРКОВНОЙ СТРУКТУРЫ В ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Представляется, что причин, тормозивших процессы возрождения церкви, было несколько. Они имели как общие черты, так и региональные особенности. Первая и главная — собственно церковная политика Сталина и его аппарата.

По всему Советскому Союзу начался стихийный рост числа открываемых приходов. Государству, которому возрождение сильной церковной структуры было совершенно невыгодно, максимально усложнило процедуру открытия храмов. 28 ноября 1943 г. Совнаркомом был установлен следующий порядок: ходатайство верующих об открытии храма первоначально рассматривалось местными властями, затем пересылалось в Совет по делам РПЦ, оттуда в СНК, а из СНК обратно в Совет. На каждом этапе оно могло быть отклонено. В целом такой сложный процессуальный регламент позволял жестко контролировать рост приходских общин. Отказы в регистрации храмов направлялись верующим, согласно директивному письму Совета по делам РПЦ от 31 января 1945 г., в виде краткой справки без объяснения причин. Как уже говорилось,

в течение 1944 г. было рассмотрено 147 ходатайств об открытии храмов в различных районах Тульской области и лишь три были удовлетворены. По этим заявлениям СНК СССР были приняты решения о передаче церковных зданий верующим. Но в течение всего 1944 г. ни один из трех переданных храмов не был открыт.

Здесь проявляется вторая причина.

В 1944–1945 гг. наблюдалась сильнейшая инерция и нежелание областных органов власти выполнять решения по открытию храмов — начиная с ответа на запрос уполномоченного и заканчивая непосредственной передачей церковного здания и имущества верующим. В сентябре 1944 г. Совет по делам РПЦ прислал Гришину инструктивное письмо № 3 «О дисциплине уполномоченных», где среди прочего говорилось о том, что необходимо считать нарушением служебной дисциплины «волокиту с рассмотрением заявлений верующих» и непредставление сведений о патриотической деятельности церкви⁶.

В докладной записке Карпову к совещанию уполномоченных летом 1945 г. Гришин так описывал местную специфику:

Необходимо сказать, что в 1944 г. на запросы уполномоченного Райисполкомы отвечали с большой неохотой, ответы задерживались и поступали с большим опозданием. Как правило, ответы были лаконичные, составленные же акты техосмотра зданий носили не глубокий характер. Некоторым переломом явилось решение Тулоблисполкома № 1711\76 от 27.12.44 (вынесенное в соответствии с постановлением СНК СССР № 1648–486с от 01.12.44), которое в одном из пунктов обязало Райисполкомы на запросы уполномоченного высылать ему справки в течение 10-дневного срока с момента получения запроса и это в некоторой степени облегчило работу в 1945 году⁷.

Пытаясь понять сложившуюся во вверенной ему области ситуацию, Гришин регулярно сам выезжал на места, несмотря на свою инвалидность и отсутствие автотранспорта, встречался с представителями приходских общин и с местными органами власти. В одном из отчетов в Совет он писал:

...Бывая на местах в Райисполкомах, руководство последних смотрит на открытие церквей как на крайнюю необходимость, ибо открытие церкви приносит для него излишние заботы, каких не было ранее, и рассматривает

6. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 3. Л. 24.

7. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 4. Л. 29.

это как «неприятное соседство» и при обсуждении вопроса считает необходимым отнести религиозные точки от районных центров как это имело место в пос. Епифани — от районного центра Казановки находится в 7-ми км; в Дубиках от г. Ефремова в 6-ти км, в с. Ровки от ст. Лазарево в 12–15 км⁸.

Во всех описываемых Гришиным случаях имелась реальная возможность удовлетворить прошения верующих и открыть храмы в районных центрах или в непосредственной близости от них: ходатайства были составлены совершенно правильно, церковные здания удовлетворяли всем необходимым требованиям. Но местные власти решили не иметь «неприятного соседства» и «отнесли религиозные точки» подальше.

Если директива о необходимости предоставлять справку о состоянии храма в короткий срок несколько ускорила начальную фазу процесса, то вопрос об исполнении уже принятых решений о передаче храмов общинам оставался очень острым. Сказывалось и то, что Гришин в Тульской области был человеком новым. До своего назначения на должность облуполномоченного Гришин работал в Англии, затем в Ленинграде. В Туле он никогда не бывал, местных условий не знал и, как сам о себе писал, «не имел знакомств в областных и районных партийных и советских организациях»⁹, что, безусловно, затрудняло его контакты с местными органами. Информировав Совет о том, как выполнялись решения по открытию храмов в 1944 г., уполномоченный сообщал: «Реализация решений Совета об открытии церквей как правило (из 4-х в 3-х случаях) требовала вмешательства руководства области... Были информированы председатели облисполкома и Обком ВКП(б) и лишь их поддержка обеспечила выполнение решений Совета»¹⁰.

Была и еще одна причина — нежелание новых владельцев расставаться с церковной собственностью. В тех районах, где здания церквей находились на территории колхозов, отказы в их передаче приходской общине, по мнению колхозного начальства, были совершенно обоснованы. В докладе к совещанию Уполномоченных Совета Гришин писал:

Есть случаи, когда церковные здания были в предвоенные годы с санкции вышестоящих органов проданы Райисполкомами колхозам под их

8. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 4. Л. 30.

9. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 4. Л. 29.

10. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 4. Л. 30.

культурно-хозяйственные нужды, как например: с. Байдики Тульского района, с. Марыгино Мордвесского р-на и т. д. и, несмотря на желание верующих из этих же колхозов об открытии церкви, правления колхозов категорически отстаивают свое право владельцев для использования этих зданий под свои нужды. Один из председателей колхоза сказал мне: «если государство хочет удовлетворить верующих, то пусть оно обратно купит здание церкви, уплатит нам деньги, которые мы внесли и тогда пусть распоряжается этим зданием церкви»¹¹.

Руководители партийно-советского аппарата Тульской области относились к процессу открытия церквей с нескрываемым раздражением вплоть до 1945 года. Местный аппарат не сразу понял изменившуюся по отношению к церкви политику центра. Практически в каждом отчете уполномоченного сообщается о «недоброжелательном отношении» местных властей к ходатайствам верующих, об «оказании противодействия исполнению религиозных служб и обрядов», о грубом вмешательстве во внутрицерковные дела¹². Бывали довольно комичные случаи, свидетельствующие, что представление об институте уполномоченных складывалось очень непросто, особенно в районных центрах. Сохранилось письмо Гришина председателю Исполкома Белёвского райсовета Борзову:

Как Вам известно, уполномоченные Совета по делам Православной Церкви при СНК СССР существуют только при обл(край)исполкомах, а при Райисполкомах каких-либо уполномоченных не существует. Между тем, уполномоченной Русской Православной Церкви при Белевском Райисполкоме стала считать себя работник Райисполкома тов. Коростелева, которая не только подписывает документы, но и 31 июля сего года написала письмо архиепископу Тульскому и Белевскому о положении дел в Белевской церкви, о чем ее никто не просил и в чем не было никакой надобности¹³.

По поводу затянувшегося на многие месяцы открытия храма в Одоевском районе Гришин писал, что, по-видимому, «в Одоеве существует своя точка зрения, отличная от решений правительства»¹⁴. Из Совета по делам РПЦ руководящим работникам Тулы и области регулярно приходили инструкции и письма, где в числе прочего говорилось о том, что «серьезным недостатком в работе

11. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 4. Л. 30.

12. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 6. Л. 48.

13. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 4. Л. 33.

14. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 8. Л. 25.

является несвоевременное выполнение решений Совета по открытию церквей»¹⁵. Уполномоченному продолжали поступать жалобы на действия райисполкомов, которые не освобождали церковные здания. Только за один месяц 1946 г. было получено пять жалоб из разных районов Тульской области¹⁶. Но постепенно ситуация начинала меняться в пользу церкви.

НАЧАЛО ПЕРЕМЕН

Как было указано выше, одной из важных причин того, что отношение советской власти к церкви стало постепенно меняться, была активная патриотическая деятельность мирян и духовенства в годы войны. За 1941–1943 гг., несмотря на отсутствие у РПЦ юридического статуса, аппарата управления, печатного органа, она продемонстрировала участие в борьбе против врага, сумела упрочить свое влияние в стране. В православной церкви снова увидели опору государственности и патриотизма. Были введены ордена и медали в честь великих русских полководцев прошлого. В кинотеатрах можно было увидеть документальные кадры, которые еще недавно были просто немыслимы: в освобожденных городах жители с иконами встречали советских солдат, и некоторые бойцы, крестясь, прикладывались к иконам.

Большое влияние на упрочение позиций РПЦ и на оживление религиозной жизни в Тульской епархии оказал Поместный собор РПЦ 1945 г., который проходил с 31 января по 2 февраля. За месяц до этого Гришин получил инструкцию от Карпова о необходимости «обеспечить беспрепятственный выезд епископа с двумя представителями от епархии на собор»¹⁷. В материалах ЦНИТО сохранились многочисленные свидетельства о том, какое впечатление произвела на верующих туляков весть о состоявшемся Соборе.

Зимой мы только краем уха слышали, что заседал Собор, но весной мы подробно узнали о решении Собора и новом уставе. Все это убедило нас, верующих, что Православная Церковь встала на более крепкие позиции, и побудило нас к постановке вопроса об открытии церкви, в чем нам было отказано в 1944 г. (*гр. Ветрова из г. Алексина*).

Уж я удостоилась счастья видеть кинокартину о поместном соборе. Все, что я там видела, наглядно показывает крепость нашей православной веры.

15. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 5. Л. 10.

16. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 8. Л. 59.

17. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 3. Л. 22.

Что бы там не говорили, а поцелуй патриарха председателем Совета Карповым — очень многое значит. В жизни даром поцелуев не бывает, особенно в наше время. Картина показала нам всю силу нашей веры. Родившись, нас крестили, замуж шли под венцом, умирать будем и хоронить тоже с попами, а не как дохлых собак. У меня 3 сына в армии, двое из них погибли за Родину и когда они шли на фронт, я благословила их своей материнской рукой. Мы будем настойчивы в открытии церкви (*гр. Шувалова из Дубенского р-на*)¹⁸.

Действительно, в 1945 г. количество ходатайств об открытии храмов возрастает. Причиной такого подъема религиозной активности явился, конечно, не только прошедший Собор, но и успехи в войне, победный конец которой уже предчувствовали многие. По данным уполномоченного Гришина, на 1 января 1945 г. поступило 103 ходатайства по 45 храмам Тулы и области, на 1 января 1946 г. — 120 по 50 храмам, на 1 января 1947 г. — 113 по 46 храмам. Несмотря на то, что решения об открытии первых трех храмов были приняты еще в 1944 г., фактически передача этих зданий верующим произошла только весной-летом 1945 года. До конца этого года больше не было открыто ни одного храма, и Гришин регулярно получал многочисленные жалобы на задержки. Во втором квартале 1946 г. начали действовать 4 церкви и еще десять до конца года. За 1947 г. властями передано верующим еще 15 храмов, а в 1948 г. — пять. Итого: на 1 января 1949 г. в Тульской епархии действовали уже 43 церкви.

С 1943 по 1948 год всего было открыто 37 храмов (из 73¹⁹) и ни одного не закрыто. Обращает на себя внимание, что в то время как в целом по стране было удовлетворено лишь около 17 % ходатайств [Шкаровский, 215], в Тульской области эта цифра составила 49 %!

Параллельно процессу передачи храмов увеличивалось число священнослужителей.

На 1 апреля 1945 г. в шести действующих храмах Тульской епархии служили 14 священников, 2 дьякона, 4 псаломщика и 4 нештатных священника. На 1 февраля 1946 г. уже служили 27 священников и 5 дьяконов. За второй квартал 1946 г. вновь зарегистрировано еще 9 священников и 3 дьякона. На 1 октября 1948 г. — 71 священник, 10 дьяконов и 24 псаломщика, вновь рукоположено 4 священника. Из общего числа священнослужителей — 2 с высшим и 30 со средним богословским образованием.

18. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 4. Л. 20.

19. Еще 4 храма было передано в 1948 г.

Данные о количестве приходов и численном составе духовенства в епархии с 1943 по 1947 гг. (по состоянию на 1 января каждого года)

Год	Число действующих приходов	Число открытых приходов	Количество священников	Количество дьяконов
1943	5 ²⁰	1	14	2
1944	5 ²¹	–	14	2
1945	6	3	14	2
1946	9	14	27	5
1947	23	15	45	5
1948	38	5	71 (68)	10

Как видно из материалов архива, на 1945–1948 гг. приходится пик улучшения государственно-церковных отношений. В частности, в это время зафиксировано максимальное число открытых храмов (43) и действующих священников (71). В дальнейшем эти цифры только уменьшались.

Руководство СССР в 1945–1946 гг. старалось демонстрировать благожелательное отношение к РПЦ. В 1945 г. Совнарком постановлением от 22 августа предоставил приходам и другим церковным структурам ограниченное право юридического лица²². Им разрешили открывать финансовые счета, покупать дома, создавать предприятия. В инструктивном письме № 5 от 18.05.46 за подписью Карпова всем уполномоченным Совета по делам РПЦ было сообщено:

Совет разъясняет, что постановлением СНК СССР от 22.08.45 № 2137-546С предложено не препятствовать церковным организациям производить колокольный звон в церквях, при наличии в них колоколов, а также не препятствовать приобретению колоколов... не требуется каких-либо особых разрешений со стороны уполномоченного Совета для производства колокольного звона²³.

В этом же письме говорится о недопустимости вмешательства в церковные дела:

20. Еще один храм до середины 1945 г. находился у обновленцев.

21. Несогласованность между числом действующих и открытых приходов в первых строках табли-

цы объясняется тем, что до 1945 г. открываемые приходы не сразу передавались церкви.

22. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 7. Л. 11.

23. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.

...Давать церковным организациям указания по вопросам, относящимся к их внутренней компетенции, уполномоченным Совета не следует, а тем более совершенно недопустимо обращаться с письмом к настоятелю церкви и другому духовенству о предоставлении всякого рода информационных сведений и т. п.²⁴

В целом по стране рост числа храмов продолжался до 1949 года. В Тульской епархии он прекратился в 1948 году. Это почти совпадает с началом изменения ситуации в центре, где уже в начале 1947 г. появляются признаки охлаждения отношений власти к церкви.

Перелом в церковно-государственных отношениях (1948–1953 гг.)

С начала Великой отечественной войны и вплоть до 1947 г. церковь вносила сотни миллионов рублей на различные общественно-политические цели. Огромная доля этих средств перечислялась в благотворительные организации и фонды помощи детям-сиротам, семьям погибших. Многие выплаты были адресными, деньги непосредственно направлялись в конкретные учреждения — детский дом или дом ветеранов. Из докладов уполномоченного по Тульской области следует, что только за 1946 г. приходы епархии выплатили по конкретным адресам около 1 млн рублей²⁵.

Такая практика, безусловно, поднимала авторитет церкви в глазах населения, а у властей вызывала раздражение и озабоченность. Еще в 1946 г. Совет по делам РПЦ указывал уполномоченному по Туле на недопустимость фактов «непосредственного шефства церквей над детскими учреждениями»²⁶. Уполномоченный Д. Шабров, который сменил на этом посту А. Гришина, получил из Совета циркулярное письмо (№ 21 от 3 февраля 1947 г.):

Министерство Финансов Союза ССР, принимая во внимание ряд соображений, поставило вопрос о прекращении сборов РПЦ на патриотические цели. Совет, согласившись с такой постановкой и согласовав вопрос с Правительством, находит своевременным поставить вопрос о прекращении сборов и отчислений Православной Церковью средств на патриотические цели, тем более что у церкви возросли потребности в средствах на содержание

24. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 5. Л. 9.

25. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 6. Л. 18–32, 49.

26. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 6. Л. 14, 34.

духовных учебных заведений, ремонт храмов, содержание управляющих органов церкви и др. расходы²⁷.

Государству было необходимо ослабить влияние церкви на общественную жизнь страны, снизить ее авторитет. На деле сокращение поступлений в государственный бюджет компенсировалось обязательной подпиской духовенства и мирян на займы по восстановлению народного хозяйства, а также усилением налогового бремени. В материалах Фонда уполномоченного сохранилось множество документов, свидетельствовавших о насильственном распространении билетов госзайма как среди духовенства, так и среди мирян. Уполномоченный Князев (сменивший в 1948 г. Шаброва) в отчете по проведению госзайма сообщал, в частности:

При подписке на займ председатель Мишневского сельского Совета тов. Шамов, агитируя священника Мерцалова подписаться на большую сумму, допускал грубости, заявляя, что не саботирую, подписывайся, не будь антисоветским человеком²⁸.

Только за три месяца 1947 г. на Государственный заем восстановления и развития народного хозяйства приходы Тульской епархии отдали 324 тыс. рублей²⁹. Так, настоятель церкви поселка Велегож Заокского района свящ. Соколов А. В. в 1947 г. в беседе с уполномоченным сетовал:

В прошлом году за 10 месяцев заработали 10 000 рублей, уплатили налога 3 700 рублей. В этом году налог установили 10 000 рублей. Не знаю, как будем расплачиваться с Райфо³⁰.

По словам прихожан того же храма, «второй священник Лукьянов ходит по верующим и собирает картошку, как нищий»³¹. Со второго квартала 1947 г. резко возрастает количество жалоб на переобложение налогом³².

В конце 1948 г. вместо Д. Шаброва уполномоченным Совета по делам РПЦ назначается Н. Князев. Власти, испугавшись возрастающего влияния церкви, пытались обуздать духовные силы народа, разбуженные в годы войны, и новый уполномоченный

27. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 7. Л. 28.

28. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 18. Л. 12.

29. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 6. Л. 42.

30. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 8. Л. 29.

31. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 8. Л. 29.

32. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 8. Л. 43.

для этой цели подходил как никто другой. По-видимому, при своем назначении он имел совершенно определенные инструкции и установки и с большевистским рвением начал, как он сам выражался, «планомерно, систематически и настойчиво проводить линию на суживание и ограничение деятельности духовенства»³³.

Нужно сказать, что хозяйство досталось Князеву большое. На момент его назначения Тульская епархия достигла пика своего развития за все послевоенное время. В епархии насчитывалось 43 храма, а на регистрации у Совета по Тульской области состояли 71 священник и 10 дьяконов.

ПЕРВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

Перелом в отношениях церкви и государства произошел во второй половине 1948 года. Первые ограничения церковной деятельности последовали уже в конце лета. Под давлением центральных властей синод РПЦ принял решение о запрещении крестных ходов из села в село, молебствий на полях, духовных концертов в храмах вне богослужений.

Чтобы ограничить влияние церкви и утратить духовенство, уполномоченные Совета по делам РПЦ практиковали снятие священников с регистрации, что фактически означало лишение их средств к существованию. Князев писал:

С моей стороны деятельность церковников с октября 1948 настойчиво и последовательно ограничивалась... путем бесед с попами во время приема их и регистрации, бесед с архиепископом, а за проведение молебствий на полях снял с регистрации одного священника и одного дьякона³⁴.

В отчетах в центр Князев регулярно докладывал о случаях богослужения на дому или «под открытым небом» как о «попытках расширения своих приходов», «сфер влияния» и «фактах незаконного притязания», с которыми он вел «усиленную борьбу».

Из отчетов уполномоченного мы узнаем, что в 1948 г. в Тульской епархии из 82 клириков 52 (63 %) в прошлом имели судимости, из них 33 были настоятелями, 18 — вторыми и третьими священниками, остальные — дьяконами и псаломщиками³⁵.

33. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 14. Л. 20.

34. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 16. Л. 30.

35. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 9. Л. 61.

С 1948 г. уполномоченные получили право не регистрировать духовенство, имевшее судимость по 58-й статье (распоряжение Совета от 23.11.48 № 1090с). На этом основании Князев отказал в регистрации нескольким священникам и получил на свои действия одобрение Совета³⁶.

Начиная с 1949 г. в материалах Фонда уполномоченного появляется информация о преследованиях коммунистов и комсомольцев за совершение религиозных обрядов. Так, в отчете за 1949 г. мы читаем:

Имеются случаи, когда крестят детей коммунисты. Например, председатель Новгородского с/совета т. Шутов — коммунист, окрестил у себя на дому в 1949 году своего ребенка. Бюро Воловского РК ВКП(б) за это т. Шутову объявило строгий выговор со снятием с работы, но т. Шутов продолжает работать председателем с/совета³⁷.

В другом месте:

Некоторые жены и родители коммунистов крестят детей, подчеркнуто готовятся к религиозным праздникам и справляют религиозные обряды на глазах этих коммунистов³⁸.

Князев призвал обком ВКП(б) принять меры.

Согласно отчету уполномоченного за 1-й квартал 1949 г. впервые с начала «нового курса» снизилось число священнослужителей (клир епархии уменьшился на двух священников, одного дьякона и двух псаломщиков); по количеству действующих храмов изменений пока не было.

Князев планомерно готовил меры по ужесточению положения церкви. Например, из четырех храмов, открытых в 1948 г. (в селах Орловка Дедиловского района, Буреломы Ефремовского района, Екатерининское Куркинского района, Хрущево Ленинского района), но не получивших разрешения на совершение богослужения, настоятелей перевели в другие приходы. Через 6 месяцев на основании того, что в данных церквях не было священников и служба не проводилась более полугода, эти храмы были сняты с регистрации³⁹. В течение последующих месяцев Князев получал многочисленные жалобы по фактам закрытия церквей

36. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 12. Л. 143.

37. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 14. Л. 31.

38. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 12. Л. 129.

39. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 14. Л. 22.

и заявления на их повторную передачу общинам, но все ходатайства отклонялись.

В выписке из протокола заседания № 37/с Совета по делам РПЦ от 7 октября 1953 г. говорилось, что 41 % всех заявлений, поступивших в Совет за 1950–1953 гг., — это «жалобы на возврат изъятых от общин верующих церковных зданий». По мнению Совета, «причиной, активизирующей верующих к подаче жалоб, является не использование изъятых от общин верующих зданий или использование их не по назначению»⁴⁰. Указанные выше четыре храма, изъятые у тульских верующих в 1949 г., были частично заняты под зернохранилища, в чем не было острой необходимости, а частично пустовали, что и вызывало недовольство верующих, видевших в этом ущемление своих прав.

На 1 января 1950 г. в Тульской области осталось 39 церквей, священников — 71, дьяконов — 6. Из статистики за период с 1949 по 1953 г. видна тенденция к численному сокращению в епархии как храмов, так и священников. Более 76 % священников были пожилыми людьми старше 55 лет⁴¹. Количество дьяконских хиротоний увеличилось, но новых пресвитерских рукоположений почти не было.

Данные о количестве приходов и численном составе духовенства в епархии с 1949 по 1953 гг. (по состоянию на 1 января каждого года)

Год	Число действующих приходов	Число закрытых приходов	Количество священников	Количество дьяконов
1949	43	4	71	9
1950	39	–	71	6
1951	39	–	67	11
1952	39	–	65	15
1953	39	–	62	15

Любопытно, как оценивал обстановку и понимал цели своей работы в контексте изменившейся политической ситуации уполномоченный Князев. В докладе за 1950 г. он пишет:

40. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 19. Л. 34.

41. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 14. Л. 20.

Период конца 1948 года характеризуется наивысшим подъемом религиозно-го психоза и началом его спада. С приходом на данную работу я поставил перед собой задачу ограничить деятельность духовенства и обуздать распоясавшихся церковников. За период моей работы Уполномоченным Совета я планомерно, систематически и настойчиво проводил линию на суживание и ограничение деятельности духовенства, массовые молебствия и другие религиозные обряды духовенство прекратило проводить и таких явлений, какие были в 1947–1948 годах сейчас нет⁴².

С нескрываемым удовлетворением Князев констатирует, что за период его работы «ни одной церкви в области не открыто».

ПОПЫТКА АКТИВИЗАЦИИ АНТИЦЕРКОВНОЙ ПРОПАГАНДЫ

В отчете за 1-й квартал 1951 г. Князев писал:

Несмотря на снижение интереса к церкви со стороны населения, все же интересующихся церковью еще много и поэтому положение церкви еще прочное. Для дальнейшего подрыва позиций церковников среди населения требуется усиление атеистической и естественнонаучной пропаганды⁴³.

Нужно отметить, что Князев по собственной инициативе с завидным постоянством регулярно посылал многочисленные докладные записки в Отдел пропаганды и агитации Тульского обкома ВКП(б) с предложениями по улучшению антирелигиозной пропаганды. Критикуя проводимую на местах антирелигиозную пропаганду, Князев писал в Совет:

Такой метод антирелигиозной работы, какой организовал Плавский Культпросветотдел, не достигает цели. Они перед пасхой устроили в доме Культуры вечер с двумя духовыми оркестрами, отворив двери играли всю ночь. Даже плавский поп Макарий заметил, что они думают отвлечь людей от религии барабанным боем, вместо систематического просвещения людей, а добиваются обратного, недовольства, а отчасти и озлобления верующих против их действий и укрепления религиозности⁴⁴.

Антирелигиозная пропагандистская кампания, начавшая было разворачиваться в 1949–1950 гг., в целом по стране вскоре ока-

42. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 14. Л. 20–27.

43. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 16. Л. 24.

44. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 16. Л. 24.

залась свернутой. Однако тульский уполномоченный сдаваться не хотел:

Борьба с одним из наиболее живучих пережитков капитализма в сознании трудящихся — религией как в городе Тула, так и в районах области поставлена совершенно неудовлетворительно. Если в какой-то степени проводится естественнонаучная пропаганда, путем лекций, то антирелигиозная пропаганда никак не ведется⁴⁵.

Руководство страны стремилось повсеместно ограничить влияние РПЦ, сохраняя при этом внешне равные отношения с ней. Все уполномоченные получили специальную инструкцию с предложением «изучить на месте результаты осуществления ограничительных мероприятий в деятельности церкви, проводимых по рекомендации Совета и составить по этому вопросу специальную записку»⁴⁶.

АРХИЕПИСКОП АНТОНИЙ (МАРЦЕНКО)

Власть еще нуждалась в церкви. Сталин «учитывал фактор усталости населения СССР от коммунистической пропаганды и тот эффект, который приносило использование выступлений священнослужителей в его целях» [Шкаровский, 344]. В Тульской епархии такой необходимой и часто «используемой в государственных интересах» фигурой стал вернувшийся в 1946 г. из-за границы и назначенный управляющим Тульской и Белевской епархией архиеп. Антоний (Марценко).

Об архиеп. Антонии, человеке незаурядном и мужественном, нужно сказать отдельно. Судьба его, с одной стороны, не похожа на жизнь многих иерархов, его современников, с другой — очень показательна и трагична. Попав в марте 1944 г. вместе с отступающими из Одессы немецкими войсками в Югославию, а затем в Австрию и Чехословакию, в 1946 г. по репатриации он вернулся в Советский Союз и получил назначение управляющим сначала Орловско-Брянской, а затем Тульско-Белевской епархией [Тревожные будни, 205]. Некоторые сведения о его жизни можно узнать из отчетов, которые регулярно направлялись в Совет по делам РПЦ уполномоченными по Тульской области. Трудно судить, насколько

45. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 12. Л. 129.

46. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 17. Л. 10.

они объективны, но даже за этими неглубокими, иногда просто злобными сообщениями вырисовывается образ очень смелого неординарного человека. То, что за пять послевоенных лет Тульская епархия восстановилась и окрепла, — во многом заслуга владыки, положившего на это много трудов. Сразу после своего назначения с разрешения властей он провел Епархиальный съезд настоятелей Тульской епархии (который не собирался более 30 лет). На нем кроме текущих вопросов о богослужебном уставе и общем церковном пении обсуждались проблемы миссионерско-проповеднической деятельности священнослужителей. По свидетельству участников, съезд был чрезвычайно полезен и очень сплотил епархиальное духовенство⁴⁷. Владыка Антоний был человек скромной и строгой жизни, никогда не стремился к комфорту, к которому мог привыкнуть за долгие годы жизни в Европе, — а условия существования в Туле были довольно непростые⁴⁸.

Он вел непримиримую войну с представителями духовенства, компрометировавшими церковь в глазах прихожан своим недостойным поведением. Об этом многократно сообщали уполномоченные. Например, Князев в одном из отчетов в Совет докладывал, что на жалобы населения на неподобающее поведение священства сам он не реагировал «с расчетом на то, что чем больше священники будут пьянствовать и пропивать церковные деньги, развратничать, тем больше будут разоблачать и дискредитировать себя перед лицом верующих», но вот архиепископ «с этим пороком духовенства вел и ведет активную борьбу»⁴⁹. Несмотря на явный недостаток в священниках, архиеп. Антоний за подобные действия отстранял виновных от службы⁵⁰.

Князев неоднократно сообщал о «пристрастии» владыки Антония к «зарубежным радиостанциям»: в некоторые дни тот специально спешил домой, чтобы прослушать передачу радиостанции «Свобода». В другой раз уполномоченный писал:

Характерно отметить, что архиепископ особенно снисходителен к церковникам, ранее судимым и стремится дать им приходы подожней и послать в приход расположенный ближе к Туле⁵¹.

Власть не могла долго терпеть такое «диссидентство»: 4 декабря 1951 г. архиеп. Антония арестовали, 4 июня 1952 г. приговором

47. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 8. Л. 14–15.

48. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 7. Л. 46–47.

49. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 14. Л. 23.

50. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 14. Л. 23.

51. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 14. Л. 23; Д. 12. Л. 6.

военного трибунала войск МГБ Тульской области он был признан виновным по ст. 54-а и 54-го УК СССР и приговорен к 25 годам лишения свободы с конфискацией имущества, «для отбывания наказания был направлен в Озерный лагерь МВД СССР (г. Тайшет Иркутской области)»⁵², где и умер в том же году. Спустя сорок с лишним лет за неимением доказательств виновности архиеп. Антоний (Марценко) был реабилитирован.

На тульское духовенство и верующих арест архиерея произвел шокирующее действие. На долгие месяцы прекращается поток ходатайств об открытии храмов: первое такое заявление уполномоченный получил лишь в следующем квартале, в дальнейшем — по 1–3 ходатайства за квартал. «В связи с арестом архиерея поведение церковников характеризуется исключительной сдержанностью. Не было ни одного случая нарушений установленных правил отправления религиозных обрядов и церковных служб», — докладывал Князев в феврале 1952 года⁵³.

Хотя священнослужители подвергались репрессиям во все время советской власти, рубеж 40-х и 50-х годов был в этом смысле более тяжелым, чем первые послевоенные годы. Кроме архиеп. Антония, в этот период были арестованы и осуждены по разным статьям еще несколько священнослужителей епархии: настоятель церкви г. Венёв Громов⁵⁴, священники Горянов и Косьянов (за «антисоветские выпады») ⁵⁵ и др.

ТАКТИКА ОГРАНИЧЕНИЯ ЦЕРКОВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

На смену архиеп. Антонию из Москвы приехал еп. Сергей (Ларин). О первой встрече с новым епископом, на которой уполномоченный поставил вопрос о прекращении поминания архиеп. Антония за богослужением в связи с его арестом, Князев с нескрываемым раздражением писал:

Епископ Сергей заявил, что на основании канонических правил поминание архиепископа Антония в церковных службах может быть прекращено только тогда, когда Синод освободит его от занимаемой должности управляющего Тульской епархией, а такого решения Синода нет. Он же не уполномочен решить этот вопрос⁵⁶.

52. Архив УФСБ РФ по Тульской области. Дело П-22906. Т. 3. Л. 24–45.

53. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 18. Л. 3.

54. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 18. Л. 26.

55. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 12. Л. 143.

56. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 18. Л. 6.

В отчетах Князева стали все чаще проскальзывать факты из жизни епархии, которые трудно было представить в первые послевоенные годы. В конце 1951 г. он пишет в центр об эпизоде, который даже сам характеризовал как факт «грубого действия в отношении церкви, оскорбляющий религиозные чувства верующих»: во время вывоза зерна из летней части церкви г. Одоев в храм ворвался пьяный милиционер и «выражаясь нецензурными словами произвел несколько выстрелов из револьвера по иконам», причем никаких серьезных последствий для виновника этот случай не имел⁵⁷.

Другой пример: священник Преображенский из Сафоновского района обращался с многочисленными жалобами на местные власти, которые постоянно «препятствуют ему исполнять требы на дому у верующих по приглашению последних под предлогом того, что часть прихожан больна заразными болезнями», причем никакие медицинские справки об отсутствии инфекций, предоставляемые властям, ситуацию не меняли⁵⁸.

В отчетах Князева также появляются жалобы верующих на то, что местные власти преследуют и ущемляют инициаторов по открытию церквей⁵⁹. Уже упомянутый выше председатель Мишневского сельсовета своим распоряжением «запретил вешать и звонить в колокол, купленный приходской общиной»⁶⁰.

В рамках ограничительных мероприятий, проводимых властью, из Совета регулярно поступали инструктивные письма, где Князеву рекомендовалось, в частности, «обеспечить наблюдение за паломничеством верующих к роднику в селе Туртень, и не допуская администрирования, переговорить с епископом, чтобы зарегистрированное духовенство не участвовало в этих шествиях и службах»⁶¹. В 1951 г. из Тульского облисполкома Князеву пришло письмо с рекомендацией крайне внимательно подходить к регистрации священников, бывших на оккупированных территориях⁶². В архивных материалах сохранились многочисленные сведения о том, что уполномоченный рьяно принял эту рекомендацию к исполнению.

Характерная черта 1949–1953 гг. — храмовые здания вновь стали изыматься для передачи их под клубы. В Тульской области за 1949–1950 гг. по решению облисполкома было передано на переоборудование и разборку 17 церковных зданий⁶³. По многим

57. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 16. Л. 8.

58. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 12. Л. 120.

59. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 6. Л. 42.

60. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 10. Л. 36.

61. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 19. Л. 14.

62. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 19. Л. 48–49.

63. ГАТО. ФР. 3354. Оп. 1. Д. 14. Л. 24.

из них в 1944–1949 гг. поступали ходатайства о возвращении их верующим, но эти заявления были отклонены.

После перелома 1948 г. госорганы избирают тактику повсеместного ограничения деятельности церкви и вытеснения ее на периферию общественной жизни. М. В. Шкаровский пишет, что «большая часть партийно-советского актива сохраняла приверженность в идеологической работе антирелигиозным стереотипам и догмам 1930-х годов, линия на потепление государственно-церковных отношений воспринималась ими как вредная для ВКП(б)» [Шкаровский, 347]. Тульский уполномоченный Н. Князев был из их числа. Все свои силы и умения он бросил «на борьбу с церковниками», видя в этом главный смысл своей работы.

В целом к 1953 г. Тульская епархия подошла, заметно сократившись количественно: почти на 10% снизилось число храмов, на 13% — число священников.

Несмотря на сворачивание «нового курса», к началу 50-х гг. у РПЦ уже имелась воссозданная структура (перед этим почти полностью разгромленная за два десятилетия гонений), был возрожден епископат и духовное образование. В отношениях с церковью тоталитарное государство уже никогда не вернется к методам террора 20-х и 30-х годов.

История Русской православной церкви советского периода — это, прежде всего, непрекращающиеся гонения на веру, которые в разное время то стихали, то вспыхивали с новой силой. Внешняя сторона антицерковной деятельности советской власти: насилия, террор, атеистическая пропаганда и т. п. — в большой степени известны. Внутренние же механизмы, с помощью которых партийно-государственная структура боролась с РПЦ, до сих пор очень мало изучены. Для правильного понимания и адекватной исторической оценки событий новейшей истории неоценимую помощь могут оказать материалы региональных советских и партийных архивов, доступ к которым еще недавно был невозможен.

Литература

1. *Власть и церковь* = Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы, 1939–1958 : Дискуссион. аспекты / Рос. акад. наук. Ин-т славяноведения; Редкол.: Г. П. Мурашко, М. И. Одинцов. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2003. 380 с.

2. *Кузьмина* = Кузьмина И. А. Бог — творец истории человека, и в основу исторического процесса положен им нравственный закон : Тульская епархия в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Вестник Тульской Православной классической гимназии. 2001. № 4. С. 108—114.
3. *Тревожные будни* = Тревожные будни : Рассказы о тульских чекистах / Сост. Каширин О.С., Тихонов Ф.Д., Трушин Н.И. и др. Тула : Приокское книжное издательство, 1985. 256 с.
4. *Шкаровский* = Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве : Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах. Изд. 3-е, доп. М. : Изд-во Крутиц. подворья; О-во любителей церков. истории, 2005. 423 с. (Материалы по истории Церкви).

Сокращения

ГАТО	Государственный архив Тульской области
СНК	Совнарком (Совет народных комиссаров)

Anna Ksandopulo

«New Course» (1943–1953) in Relations between the State and the Church: the Case of Tula Diocese

The article reviews milestone events in the life of Tula diocese of the Russian Orthodox Church in the context of new relations between the state and the church (so-called «New Course») during the period from 1943 to 1953. The author tries to analyze and comprehend regional aspect of the «New Course» compared to the events which were happening in the top echelon of power. The research is based on documents from the local archives, many of which have been introduced into scientific use for the first time. These materials help to better understand mechanisms behind the processes the Soviet machine tried to manipulate the Russian Orthodox Church, and how the church, overcoming compromises, was getting out of the state of crisis after unprecedented persecutions of the 1920s–1930s.

KEY WORDS: church-state relations, «New Course», Authorized Representative for the Russian Orthodox Church affairs, anti religion campaign, Tula diocese, opening of churches, revival of church structure.